

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
 Has been issued since 2014.
 ISSN: 2409-3378
 E-ISSN: 2413-7294
 2017, 4(2): 133-144

DOI: 10.13187/zhmnp.2017.2.133
www.ejournal18.com

Negative Traditions of Pupils of Orel Bakhtin Cadet Corps at the beginning of the XX century

Alexey N. Grebenkin^{a, *}

^a Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract

This article presents the attempt of reconstruction of negative traditions existed in Orel Bakhtin cadet corps in the beginning of XX cent. The study is based on unpublished documents – the journals of pedagogical committee of the corps. The results of study show that governmental politics which was aimed at the extermination of bad tempers of pupils caused the significant transformation of sociocultural space of Orel Bakhtin cadet corps. The main reason of it was the coordinated work of pedagogical staff headed by V.L. Lobachevsky (in 1902-1905) and R.C. Luther (in 1905-1917). Proper measures based on instructions of the General department of military schools allowed to moderate the forms of hazing between pupils, give the positive direction to the tradition of comradeship and almost completely eliminate the homoerotic expressions. These achievements conduced to the improvement of the moral climate in the institution, helped to increase the class discipline and academic performance, promoted the cultural and aesthetic development of pupils. Results of this study may be used in the course of organization of pedagogical activity in contemporary military educational institutions of different levels, as well as in boarding educational institutions.

Keywords: tradition, sociocultural space, "tsuk", military education, Orel Bakhtin cadet corps, Grand Duke Constantin Constantinovich Romanov.

1. Введение

Еще в начале XIX в. в среде воспитанников отечественных военно-учебных заведений под воздействием казарменного режима, репрессивной политики начальства и грубости нравов стали складываться негативные традиции: ложное товарищество, выражавшееся в сокрытии массой виновных в совершении проступков, пренебрежительное отношение к начальству, помывание младшими товарищами, культ грубости и пьяного разгула. В течение всего XIX столетия руководители военно-учебного ведомства и начальники заведений вели с дурными традициями ожесточенную борьбу, однако существенных результатов командирам и педагогам добиться не удалось. В первые годы XX в. руководство военно-учебных заведений во главе с великим князем Константином Константиновичем

* Corresponding author

E-mail addresses: angrebyonkin@mail.ru (A.N. Grebenkin)

предприняло энергичную попытку исправления нравов и обычаев кадетской массы. Это ознаменовало начало нового этапа в жизни Орловского-Бахтина кадетского корпуса, на рубеже веков переживавшего серьезный кризис, выразившийся, в частности, в расцвете негативных кадетских традиций.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы исследования представлены неопубликованными документами по истории Орловского-Бахтина кадетского корпуса – журналами заседаний педагогического комитета заведения, хранящимися в фонде 725 (Главное управление военно-учебных заведений) Российского государственного военно-исторического архива. Они содержат развернутое описание негативных традиций, оценку их влияния на жизнь воспитанников и заведения в целом, а также характеристику мер, направленных на их ликвидацию.

2.2. В основу исследования положен проблемно-хронологический подход. Автор, опираясь на диахронный метод, последовательно дает характеристику отдельных негативных традиций, отмечая их трансформацию или ослабление по сравнению с рубежом XIX-XX вв., когда они находились на пике своего развития. Историко-системный подход позволяет представить негативные традиции не как дискретные явления в жизни кадет, а как комплексный социокультурный феномен.

3. Обсуждение

Историография негативных традиций Орловского-Бахтина кадетского корпуса в начале XX в. достаточно скудна. Это обусловлено как определенной табуированностью темы, так и слабой степенью изученности истории Орловского-Бахтина кадетского корпуса в целом. В статьях О.В. Левитского ([Левитский, 1996](#), [Левитский, 2000](#)) – сына офицера-воспитателя В.В. Левитского, служившего в Орловском-Бахтина кадетском корпусе в начале XX в. – сведения о существовании в среде орловских кадет каких-либо дурных обычаев и традиций отсутствуют. Нет упоминаний о негативных традициях Орловского-Бахтина кадетского корпуса и в сборнике статей «К истории Орловского-Бахтина кадетского корпуса» ([К истории, 2002](#)), вышедшем в 2002 г. под редакцией Н.О. Петровановой (дочери О.В. Левитского). Характеристика отдельных негативных традиций дана лишь в нашей монографии «История Орловского Бахтина кадетского корпуса. 1843-1918 гг.» ([Гребенкин, 2015](#)).

4. Результаты

Нравственный облик воспитанников Орловского-Бахтина кадетского корпуса в начале XX в. оставлял желать много лучшего. Пожилой и бездеятельный директор Н.Н. Светлицкий распустил кадет: даже такие тяжкие проступки, как употребление спиртных напитков, оскорбление преподавателей, издевательства над младшими и слабейшими воспитанниками, не влекли за собой наложения существенных наказаний. Дурные нравы кадет способствовали укоренению в их среде негативных традиций, принимавших уродливые, подчас изуверские, формы.

4.1. Неуставные отношения между воспитанниками («цук»). Давая характеристику негативным традициям орловских кадет, следует начать с наиболее опасной из них – «цука». «Цук» представлял собой традицию подчинения младших воспитанников старшим. В Орле он проявлялся в «жесткой» форме: подчинение было сопряжено с физическим и психическим насилием, унижением человеческого достоинства, посягательством на собственность. Особенно сильно было заметно стремление старших кадет властвовать над младшими во 2-й роте, где за «цуком» закрепилось соответствующее название – «традиция 2-й роты».

Внешняя атрибутика «традиции 2-й роты» к началу XX в. уже была легендированной. Ритуал распространения на вновь поступивших в роту кадет влияния традиции назывался «крещением»: посвящаемому обливали голову водой из умывальника, а затем рисовали ему кресты на ягодицах. Первыми крестить начинали жертв «культа мазочки» – так называемых «помпонов» (хорошеньких мальчиков, являвшихся объектом ухаживания и «приставаний»). Ритуал «крещения», по словам самих кадет, впервые появился в начале 1890-х гг. Затем он перестал использоваться, а в 1901 г. был вновь введен в употребление. Некоторыми кадетами сообщались дополнительные детали этого кощунственного обряда:

так, кресты на ягодицы якобы наносились со словами «печать дара Духа Святого».

Сторонники «традиции 2-й роты» пытались оправдать свое господство над младшими кадетами заботой об их нравственности. В 1902 г. в корпусе произошла «памфиловская история», привлекавшая внимание Главного начальника военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича. Кадет 4 класса Борис Памфилов был избит пятиклассниками-«цукателями» так сильно, что попал в госпиталь с разрывом барабанной перепонки. Для расследования в заведение прибыл генерал-майор Острогорский.

В освещении пятиклассников «памфиловская история» выглядела так. Кадеты 5 класса Проселков и Вяземский, узнав, что Памфилов подвержен тайному пороку, вызвали его в ватерклозет, где осмотрели и пришли к выводу, что Памфилов действительно занимается онанизмом. После этого в целях отучения младшего товарища от губительной привычки Проселков и Вяземский избили его, причем Проселков нанес удар по левому уху. Через некоторое время Памфилов получил от кадета 5 класса Желтухина, отправлявшегося под арест, организовать передачу ему вторых и третьих блюд. Хотя Памфилов передал приказ своим товарищам, Желтухин во время нахождения под арестом ничего не получал. Освободившись, Желтухин вызвал Памфилова в ватерклозет и там избил его.

Расследование показало, что «традицией 2-й роты» предусматривалось не только физическое воздействие на младших, но и посягательство на их собственность. Кроме того, широко распространенной формой притеснения четвертого класса пятым была передача еды. Так, в 1902 г. кадет 5 класса Борис Адамович дал воспитаннику 4 класса Кузьминскому «приказ» за своей подписью, в котором четвероклассникам объявлялось, что они должны принести с завтрака сахар и положить его в парту Адамовича, а во время самого завтрака передать ему планкет (макаронны, запеченные с сыром) и молоко. Генерал Острогорский во время своего нахождения в корпусе сам видел, как четвероклассники несли пятому классу собранный ими хлеб.

Члены педагогической корпорации корпуса при расследовании «традиции 2-й роты» стремились преуменьшить вину «цукателей», что неудивительно: ведь они несли полную ответственность за нанесенные Памфилову увечья. Поэтому на заседаниях говорилось о том, что связь между побоями и разрывом барабанной перепонки неочевидна: у слабого, золотушного Памфилова перепонка могла лопнуть и вследствие легкого удара по уху. Факт угнетения четвертого класса пятым под сомнение никем не ставился, однако побои, по мнению директора корпуса Н.Н. Светлицкого, наносились не для того, чтобы изувечить младших кадет, а для того, чтобы показать свою власть над ними, случай же с Памфиловым представлялся «выдающимся по своей редкости и случайным [курсив наш – А.Г.] последствиям» (По журналам, 1902: л. 45 об.).

Справедливости ради следует сказать, что офицеры и преподаватели Орловского корпуса пытались выявить причины, заставлявшие пятиклассников подчинять себе кадет четвертого класса. К единому мнению педагоги так и не пришли. Высказанные ими мнения можно объединить в три группы.

Представители первой группы полагали, что глумление старших над младшими не поддается рациональному объяснению (побои наносятся «просто так», безо всяких видимых причин). Вторую группу образовывали те, кто считал, что существование «традиции 2-й роты» есть следствие желания кадет поддерживать старые традиции, направленные на искоренение пороков, распространенных среди младших воспитанников, силами старших кадет. Использование побоев для борьбы с онанизмом педагоги данной группы объясняли тем, что в числе кадет 5 класса было много малоразвитых, грубых воспитанников, абсолютизовавших значение физической силы. Третья группа членов педагогического комитета склонялась к мысли, что забота старших кадет о нравственном облике младших – это лишь ширма, используемая для подчинения младших и слабейших и установления системы господства над ними. «Цукатели» представлялись как худшие кадеты роты – распущенные, «отпетые» второгодники, действия которых априори не могли носить положительного характера. Кадетская масса, хотя и не разделяла взглядов «цукателей», была вынуждена безропотно им подчиняться.

Одной из причин этого явления директор корпуса Н.Н. Светлицкий считал отсутствие стремления у хороших кадет воздействовать на дурных с целью их исправления. Это позволяло испорченным кадетам подчинять своему влиянию товарищей. В конце

концов лучшие кадеты, стремившиеся держаться в стороне от проступков и шалостей, сами поддавались дурному влиянию и распускались. Особенно это было заметно во 2-й роте, где большая часть воспитанников находилась в переходном возрасте и, следовательно, была исключительно восприимчива к воздействию авторитетов.

Инспектор классов, возражая директору, настаивал на том, что хорошие воспитанники всегда обладают полной возможностью благотельно влиять на своих товарищей. Испорченность же какого-либо из отделений он был склонен представлять как результат комбинации случайных факторов. В доказательство своих слов инспектор приводил следующий пример: в 1901/02 учебном году 2-е и 3-е отделения 3 класса «были как два родные братья, похожи друг на друга, оба прекрасные, послушные, старательные, к воспитателям относились не только с уважением, но и с любовью» (По журналам, 1902: л. 48). В следующем учебном году 3-е отделение сохранило свой превосходный нравственный облик, а 2-е отделение случайно подпало под влияние дурных кадет 5 класса. Тесный контакт с распушенными пятиклассниками привел к тому, что кадеты 4 класса, имевшие склонность к шалостям и проступкам, вышли из-под влияния хороших воспитанников, подняли голову и, опираясь на силу кулака кадет 5 класса, стали задавать тон в отделении. В итоге отделение за короткое время изменилось до неузнаваемости, несмотря на своевременно принимаемые меры педагогического воздействия: «Напрасно воспитатель этого отделения напрягал силы для борьбы, жаловался и просил помочь ему, словом, употреблял все силы, чтобы удержать отделение на той высоте, на какой он привык его видеть. К сожалению, он должен сознаться, что отделение отходит от него. Хорошие кадеты, видя его бессилие, теряют к нему доверие, а с доверием и уважение» (По журналам, 1902: л. 48).

Генерал-майор Острогорский, анализируя «традицию 2-й роты», сфокусировал свое внимание не на ее характере и целях, а на факте того, что кадетские главари, какими бы благородными намерениями ни были прикрыты их проступки, создавали в корпусе систему власти и подчинения, не только действовавшую параллельно с официальной, но и доминировавшую над ней. Грозным симптомом этой узурпации было внешне корректное, но издевательское по своей сути предложение лидеров 2-й роты «прийти на помощь» воспитателям, которым отказывалась подчиняться распутившаяся и обнаглевшая кадетская масса. Одного слова кадетского главара было достаточно для того, чтобы кадеты, с которыми не мог сладить офицер-воспитатель – взрослый мужчина, зачастую обладавший солидным опытом работы, – моментально успокоились и сделали то, что от них требовалось (прекратили беспорядок, легли спать и т.п.). Для педагогической корпорации это было крайне унижительно.

Уничтожение «традиции 2-й роты», по инициативе А.Н. Острогорского, должно было быть достигнуто не с помощью репрессий, а путем внушения. Три наиболее активных «цукателя» – Проселков, Вяземский и Желтухин – не были изгнаны из корпуса, им не был сбавлен балл за поведение. Педагогический комитет заведения рассудил, что тягостное настроение в роте, вызванное как расследованием, так и известием о том, что проступки произвели крайне тягостное впечатление на великого князя Константина Константиновича, которого кадеты искренне любили, выбьет почву из-под дурных кадет и создаст необходимые условия для морального оздоровления роты. Поэтому генерал Острогорский объявил виновным кадетам 5 класса «полное осуждение и порицание» перед строем первой и второй рот.

Однако великий князь занял более жесткую позицию. Будучи хорошим психологом, он понимал, что разложение кадетской массы зашло слишком далеко, чтобы от него можно было избавиться с помощью публичных порицаний. В журнале педагогического комитета корпуса напротив слов ротного командира о беседе с кадетами Константин Константинович сделал следующую помету: «Бесчеловечность и непорядочность бывшего 5 класса с очевидностью показывает, что случаи насилия в корпусе бывали. Одними словесными внушениями их не вывести. Недаром предлагал я привлечение кадет 7 класса в помощь воспитателям младших рот, меру, от которой Орловский корпус упорно отказывается. А между тем в ней верное средство к уничтожению насилий. Если работа воспитателей не достигает искоренения насилий, надо же, наконец, найти меру, чтобы их вывести» (По журналам, 1902: л. 55). В качестве одной из мер, способных уничтожить засилье дурных кадет во 2-й роте, великий князь называл их в 1-ю роту, где они, будучи младшими по возрасту, лишатся возможности влиять на массу и будут вынуждены подчиниться старшеклассникам.

В дальнейшем попытки создания какого-либо аналога «традиции 2-й роты» немедленно пресекались. Так, кадет 4 класса 2 отделения Д. Ямышев, который «в своих проступках обнаружил склонность к расправе с товарищами физической силой и стремление властвовать над младшими товарищами» (По журналам, 1902: л. 112), был наказан лишением двух баллов за поведение, постановкой в строю на левый фланг и отделением от товарищей во время укладки спать в продолжение недели. В течение нескольких лет неуставные отношения между воспитанниками полностью отсутствовали. Однако начиная с 1909 г. в корпусе периодически фиксировались попытки возрождения «цука». В сентябре 1913 г. кадеты 7 класса «присвоили себе первенствующую роль в роте и начали особенно энергично и резко проводить в жизнь установившиеся годами, по их словам, традиции подтяжки кадет 6 класса» (По журналам, 1913: л. 14 об.). В 1914 г. во 2-й роте корпуса был установлен так называемый «майорат», копировавший атрибутику «цука» Николаевского кавалерийского училища. «Майорами» назывались воспитанники, пользовавшиеся определенными правами в отношении основной массы кадет роты (в частности, могли «цукать»). Далеко не все «майоры» пользовались присвоенными им правами; некоторые же, совершая «майорские проступки», тщательно скрывали свои незаконные действия, не желая быть наказанными.

В 1915 г., несмотря на жесткие репрессии, которыми были подвергнуты наиболее активные «майоры», пережитки традиции «майората» в корпусе сохранялись. Ротный командир в апреле 1915 г. докладывал директору, что «открыто «майорство» не проявляется, но что следы этой традиции еще имеются и с ними ведется борьба» (По журналам, 1915: л. 188 об.). «Майоры», по всей видимости, не подчинялись какой-либо организации, которая бы направляла их действия. Командир 2-й роты полагал, что «...первоначально «майоров» было всего человек 20-25, и они все совместно обсуждали и решали все «майорские» дела» (По журналам, 1915: л. 4).

Свидетельством генетического родства «традиции 2-й роты» и «майората», как специфических разновидностей кадетского «цука», с традициями Николаевского кавалерийского училища является и то, что главные приверженцы угнетения младших именовали себя «кавалеристами». Некоторые из этих кадет действительно намеревались по окончании корпуса перейти в «Славную гвардейскую школу». Образ лихого корнета представлялся им в извращенном виде: воспитанники акцентировали внимание лишь на отрицательных чертах паттерна «идеального кавалериста» (любовь к кутежам и мотовству, пренебрежение ко всему невоенному, склонность к эпатажу и т.п.), к тому же утрируя и преувеличивая их.

Поэтому кавалерийские традиции в целом воспринимались педагогами как исключительно негативное явление. Так, при расследовании проступка кадет 5 класса И. Стрвяж-Смоляницкого, обвиняемого в организации беспорядка в спальне, командир 2-й роты подполковник Струков заявил, что Стрвяж-Смоляницкий являлся «очень вредным кадетом в роте, который в удобных случаях проводит кавалерийские традиции в жизнь роты; именно такие традиции, с которыми мы все ведем постоянную борьбу» (По журналам, 1913: л. 212). Это заявление сыграло далеко не последнюю роль в том, что Смоляницкий был уволен из корпуса.

Зачастую отношение воспитанников к традициям становилось причиной раскола кадетской среды. Так, далеко не все кадеты старшей роты встретили с одобрением возрождение в 1913 г. «цука». Часть воспитанников (как 6, так и 7 классов) отказалась подчиняться этой традиции, что привело к острому конфликту. Виновные понесли суровое наказание: 7 главных зачинщиков были исключены, прочих участников столкновения ждала санкция в виде сбавки баллов за поведение. После стычки кадеты первой роты разделились на две группы: большая их часть объявила себя «традиционарами», меньшая, отказавшаяся следовать традициям, – «прогрессистами». Первые сразу же подвергли вторых бойкоту, который в присутствии начальства облекался во вполне корректные формы, в отсутствие же лиц учебно-воспитательной корпорации принимал оскорбительный характер и выражался в «разных обидных намеках, насмешках и в явном пренебрежении к бойкотируемым, которые относились к этому в высшей степени терпеливо» (По журналам, 1913: л. 17). Хотя командир роты и отделенные офицеры-воспитатели прилагали все усилия к тому, чтобы восстановить нормальные товарищеские отношения, бойкот принял затяжной

характер. После длительных бесед командира роты с воспитанниками кадеты 7 класса в начале декабря объявили о снятии бойкота, однако к нормализации ситуации это не привело. Между тем начальство, сознавая, что многие кадеты, не совершая проступков, все же причастны к бойкоту, а значит – виновны, не считало себя вправе осуществлять прибавку баллов за поведение. В результате некоторые воспитанники 7 класса, начавшие учебный год с низкими баллами за поведение, в течение нескольких месяцев не ходили в отпуск, а в перспективе им грозило лишение права на перевод в военные училища (куда принимали с баллом за поведение не ниже 8). После оживленного обсуждения этой проблемы на заседании педагогического комитета корпуса было принято решение не обращать внимания на продолжающийся бойкот и начать прибавку баллов за поведение тем кадетам, которые этого заслужили.

В 1914-1916 гг. неоднократно предпринимались попытки возрождения «цука»: кадеты 7 класса стремились подчинить себе шестиклассников. Однако к формированию устойчивой системы неуставных отношений это не привело, и в 1917 г. руководство корпуса отмечало, что во всех трех ротам заведения нет никаких признаков «цука» (*Журналы, 1917: л. 4 – 5 об.*).

4.2. «Культ мазочки». Проживание в условиях закрытого учебного заведения особенно тяжело отражалось на психике подростков, вступивших в период полового созревания. Для многих воспитанников ухаживание за девушками было несбыточной мечтой: сироты и дети недостаточных родителей не могли ездить в отпуск, у них не было денег даже на самые скромные развлечения, а слабое знакомство с правилами поведения в «гражданском» обществе и приобретенные за годы безвыходного пребывания в стенах корпуса угловатость манер и застенчивость лишь усугубляли положение. Даже те кадеты, которые в период летних каникул общались с барышнями и заводили романы, в продолжение учебного года, как правило, были вынуждены довольствоваться перепиской с гимназистками и институтками. Встретиться с подругами воспитанникам средних классов удавалось в лучшем случае 1-2 раза в месяц, а в остальное время им приходилось с грустью взирать на предмет своего обожания сквозь прутья корпусной ограды. Поэтому интимные чувства, объектом которых должны были бы являться сверстницы, зачастую «переадресовывались» другим кадетам. Этому способствовали раздевание в спальне на виду у десятков человек, совместное мытье в бане и проч.

В Орловском-Бахтина кадетском корпусе, как и во многих других военно-учебных заведениях, был распространен так называемый «культ мазочки», выразившийся в ухаживаниях за воспитанниками младших и средних классов, похожими на девочек. Эта традиция, аналоги которой существовали и в невоенных интернатах, была нездоровой сама по себе. Кроме того, она являлась предпосылкой возникновения гомосексуальных контактов между кадетами.

«Культ мазочки» был составной частью «традиции 2-й роты» – красивые воспитанники (так называемые «помпоны») подвергались особому виду притеснения, имевшему ярко выраженную эротическую форму. Пятиклассники сажали их на колени, обнимали, целовали. Уничтожение «традиции 2-й роты» привело и к ликвидации «культа мазочки». В дальнейшем фиксировались лишь спорадические проявления гомоэротизма в среде воспитанников. В начале 1912 г. до сведения директора корпуса дошли сведения о том, что один из кадет 3 класса, Анатолий Лисенко, ухаживает за своим товарищем Константином Гершельманом. Во время рождественских каникул родственники Гершельмана, у которых он проводил отпуск, получили открытку от Лисенко. Лисенко писал [орфография и стиль подлинника сохранены – А.Г.]: «Дорогой Костя! Поздравляю тебя с великим праздником Р.Х., желаю его весело провести, а также и наступающим Новым годом. Несколько раз ты уже мне приснился и я тебя сладострастно... [отточие в тексте – А.Г.] ты конечно уже знаешь что (Нинок). Бернацкого я тоже проводил, а тебя я не мог как следует проводить, вот какой я неблагодарный человек. Как приедешь с праздников так у нас пойдет все по старому а может быть и лучше. Как ниговорить, а все таки по тебе скучно. Прости, что пишу на такой открытке другой не было, а также и не обижайся на то что я тебя зову костей это неправильно ты не костя, а Нинок... Досвиданья целую тебя крепко, ты не думай что я тебя забуду, нет. Толя Лисенко» (*По журналам, 1912: л. 13 об. – 14*).

Отец Гершельмана, прочитав это послание, пришел в ужас и отправил открытку в корпус при рапорте, в котором просил произвести расследование, а сына перевести в другое отделение.

Разбор дела показал, что Лисенко начал ухаживать за Гершельманом относительно недавно – в конце 1911 г. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что Гершельман был похож на сестру Лисенко Нину (именно поэтому Лисенко и стал называть товарища «Нинок»). Ухаживания проявлялись в том, что Лисенко обращался к Гершельману с ласкательными словами («милая», «дорогая»), неизменно употребляя их в женском роде, а также называл его «княжной» и «Нинок». Кроме того, Лисенко часто обнимал Гершельмана, делал ему небольшие подарки (иностранные марки), а перед укладкой спать садился на его кровать и, поцеловав, желал спокойной ночи. Никаких попыток вступить в половой контакт Лисенко не делал; напротив, во время перемен он ходил с Гершельманом в наиболее людных местах корпуса (главный коридор, классы).

Гершельман же не препятствовал ухаживаниям, так как был очень наивным мальчиком, совершенно не знакомым с интимной стороной человеческой жизни. Когда ему показали открытку Лисенко, он не мог понять, о чем в ней идет речь.

Лисенко же, напротив, был испорченным и развращенным кадетом. Еще в 1 классе он сам являлся объектом «приставаний», которые носили характер открытых сексуальных домогательств. Кадет Мезенцов, ухаживавший за Лисенко, дошел до того, что «ложился поверх него и делал на нем циничные телодвижения» (По журналам, 1912: л. 15 об.). Как видно, Лисенко оказался способным учеником. Свою эротическую активность он направлял не только на Гершельмана, но и еще на одного кадета 3 класса – Бернацкого. Будучи скрытным, лживым и наружно послушным мальчиком, Лисенко, очевидно, со временем сумел бы перейти к более активным формам «ухаживания». Поскольку такие кадеты не могли быть терпимы в заведении, Лисенко был представлен к увольнению из корпуса. Впрочем, рассчитывая, что новая товарищеская среда будет способствовать его нравственному оздоровлению, педагогический комитет ходатайствовал о переводе исключенного кадета в другой корпус.

4.3. Культ нарочитой грубости и показного молодечества. Эта традиция требовала от кадет вести себя вызывающе по отношению ко всем окружающим, особенно штатским, демонстрируя свою «лихость», силу и молодецкую удаль.

Именно так вели себя в 1902 г. два кадета выпускного класса, В. Бахтин и А. Иванов во время посещения цирка. Воспитанники демонстративно пренебрегали правилами ношения формы – воротники их шинелей были подняты, башлыки – завязаны не так, как положено. Кроме того, оба кадета пользовались моноклями, что им было безусловно запрещено. Хотя Бахтин и Иванов отдавали честь находившимся в цирке офицерам, но делали это «особенным, хлыщеватым манером». Во время представления Бахтин снял галоши и положил их на барьер, а «...после вторичной просьбы капельдинерши... не вставая, поднял ноги, вложил их в галоши и опустил, вытянув их» (По журналам, 1902: л. 17 об.). Аплодировал Бахтин, «поднимая руки над головой и крича «браво» с фатовским пошибом» (По журналам, 1902: л. 17 об.). Судя по поведению обоих кадет, они были пьяны. Бахтин и Иванов в продолжение представления неоднократно покидали свои места. Во время одной из отлучек кадеты зашли в буфет, где демонстративно потребовали водки, а когда буфетчик отказался исполнить их просьбу, то Иванов заявил: «Я не так воспитан, чтобы мне не давали водки, и мне осталось только два месяца до кавалерийского училища: придется самому распорядиться!» (По журналам, 1902: л. 18) После этого Иванов дважды пытался дотянуться до водки, но был удержан буфетчиком и товарищами. На замечание одного из посетителей, что в буфет может зайти воспитатель корпуса штабс-капитан Кристлиб, Иванов хвастливо сказал, что Кристлиб находится в корпусе лишь два месяца, а он, Иванов, семь лет. За этот проступок кадет Иванов, и ранее совершавший подобные выходки (катание на лихаче по Болховской и оскорбление чинов полиции), был представлен к увольнению на попечение родителей.

Кроме того, кадеты неоднократно демонстрировали пренебрежительное отношение к «штатским» сверстникам. Так, 2 марта 1913 г. кадеты строевой роты в числе 90 человек собрались возле Алексеевской гимназии, перекрыли выходы из нее и потребовали от гимназистов объяснений по поводу присланного накануне в корпус дерзкого письма. В результате произошла драка между несколькими гимназистами и кадетами, причем кадеты пустили в ход штыки. Драка не приобрела массовый характер благодаря вмешательству гимназического начальства и прибывших на место происшествия двух

корпусных офицеров. Расследование показало, что отношения испортились еще 10 февраля, когда на балу в Александринском женском институте из-за какого-то пустяка произошел острый конфликт между двумя гимназистами и группой кадет. После этого гимназисты стали задирать кадет при встречах, последние отвечали первым тем же, а когда в корпус пришло письмо, то, не желая быть обвиненными в трусости, пошли в гимназию разбираться. Педагогический комитет корпуса постановил лишить всех кадет, принимавших участие в беспорядках около гимназии, отпуска до Пасхи.

4.4. Негативное отношение к начальству, воспитателям и преподавателям.

Установление этой традиции являлось закономерным следствием появления в заведении большого количества кадет, отличавших дурным поведением и не желавших учиться. Любой представитель педагогической корпорации в их глазах был злейшим врагом, с которым следовало бороться всеми доступными способами, вплоть до организации массовых беспорядков («бунтов» и «бенефисов»).

В ноябре 1913 г. кадет 5 класса И. Стрвяж-Смольницкий после укладки спать стал мяукать, чем рассмешил нескольких кадет. При входе в спальню дежурного воспитателя смех мгновенно прекратился. Этот, казалось бы, совершенно не заслуживающий внимания эпизод был попыткой организации беспорядка, сигналом к началу которого и стало мяуканье Стрвяж-Смольницкого. Расследование показало, что Смольницкий подговаривал кадет 4 класса 1 отделения произвести беспорядок во время дежурства их отделенного воспитателя, письмо которого о плохих успехах одного из воспитанников якобы послужило причиной смерти бабушки последнего. Благодаря тому, что лучшие кадеты отделения категорически выступили против «бунта», он не состоялся. Однако Смольницкий все же был обвинен в том, что сыграл «значительную роль в организации беспорядков». На такую оценку действий кадета повлияла и его дурная репутация. Стрвяж-Смольницкий не отличался благонравием; напротив, он был беспокойным, легкомысленным, лживым и льстивым мальчиком, и поведение его оценивалось 2 баллами. Подстрекательство к совершению массового проступка стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Стрвяж-Смольницкий был представлен к увольнению без ходатайства о переводе его в другой корпус.

Аналогичный случай произошел через несколько дней в 3-й роте. Здесь беспорядок также носил вполне невинный характер и выражался в «покашливании, шуме и гудении» (По журналам, 1913: л. 214). Вместе с тем перед началом этого «бенефиса» кадетами был полностью потушен свет, а в темноте, как правило, совершались самые дикие и необузданные выходки. Это обстоятельство побудило педагогический комитет подойти к расследованию со всей строгостью. Организатором беспорядка являлся кадет Н. Мещеряков, пользовавшийся значительным влиянием на своих товарищей. Его приказы порой имели больший вес, чем распоряжения офицеров-воспитателей. Был случай, когда молодой офицер-воспитатель 3-й роты поручик Готлибов во время дежурства по роте долго не мог уложить кадет спать. Мещеряков, бывший в тот день поддежурным, вместо того, чтобы помогать Готлибову, сам вел оживленные разговоры с товарищами. После того, как поручик пристыдил Мещерякова, тот ответил, что сейчас же всех уложит. Через несколько минут в роте действительно наступила полная тишина. Сильный характером, влиятельный Мещеряков пользовался определенной популярностью среди младших кадет: многие относились к нему с подбострастием и стремились подражать. Вместе с тем лучшие воспитанники роты не желали попадать под гнет дурных, жаловались начальству и, будучи не в силах справиться с Мещеряковым самостоятельно, просили о помощи.

Чтобы Мещеряков и подобные ему кадеты, оказывавшие дурное влияние на товарищей, не могли полностью подчинить себе кадетскую массу, было решено избавить роту от главного коновода. Мещеряков был представлен к увольнению на попечение родителей без возбуждения ходатайства о переводе его в другой корпус.

В феврале 1915 г., после разбора в педагогическом комитете случая массового беспорядка, учиненного кадетами на Болховской улице (избиения гимназистов-поляков), отношения между кадетами и начальством резко обострились. 9 февраля вице-фельдфебель 1-й роты доложил командиру роты полковнику Шахову о том, что кадеты 6 класса готовятся к «бунту» против офицеров. Обыск показал, что шестиклассники действительно собирались устраивать масштабное выступление с устройством проволочных заграждений: под

матрацем постели кадета Васича, стоявшего во главе заговора, были найдены мотки проволоки. В итоге Васич, и ранее отличавшийся крайне дурным поведением, ленью и критическим отношением к корпусным порядкам, а также его главные сообщники – кадеты Образцов и Леман – были представлены к увольнению на попечение родителей.

4.5. Традиция товарищества. Традиция товарищества в корпусе в начале XX в. претерпела инверсионную трансформацию. На смену «ложному товариществу» (самым распространенным проявлением которого был отказ кадетской массы выдавать начальству виновных в проступках и шалостях) благодаря усилиям воспитателей пришла традиция истинного товарищества, преследовавшая благородные цели. Так, когда в ноябре 1902 г. два кадета 7-го класса, М. Осецкий и С. Пирамидов, были уличены в распитии водки, их товарищи, «...глубоко огорченные и возмущенные очень дурным поступком... обратились к нему [исправлявшему должность директора корпуса – А.Г.] с ходатайством о снисходительном отношении к виновным и взяли на себя ручательство, что подобный проступок со стороны Осецкого и Пирамидова более не повторится» (По журналам, 1902: л. 161 об. – 162). Благодаря этому заступничеству, указывавшему, по мнению находившегося в корпусе генерал-майора Острогорского, «на присутствие между кадетами хорошо воспитанного товарищества» (По журналам, 1902: л. 162 об. – 163), провинившиеся кадеты были оставлены в корпусе.

Виновные в нарушении традиции товарищества сурово карались. Так, в 1907 г. жесткой обструкции был подвергнут кадет 6 класса Владимир Котляревский. В течение непродолжительного времени его дважды били одноклассники, что не могло не привлечь внимание начальства.

Расследование показало, что Котляревский неоднократно давал повод к подобному обращению. Еще в 5 классе он вызывал товарищей на откровенность, пытаясь выяснить их политические взгляды. Так, когда переведенный из другого корпуса кадет Орлов признался ему в симпатии к революционному движению, Котляревский сначала притворился, что разделяет его идеи, и даже хвалился тем, что дома якобы разорвал портрет Николая II, а затем, вдоволь потешившись над наивным «революционером», неожиданно объявил Орлову, что он-де, Котляревский, «жандарм», и не желает иметь с ним ничего общего. Поскольку Котляревский не намеревался держать политические взгляды Орлова в тайне, последний ударил его по физиономии. Опасаясь расправы товарищей, Котляревский не рискнул докладывать об оскорблении начальству.

Перейдя в 6 класс, он стал вести себя высокомерно и вызывающе по отношению к одноклассникам. Когда кадет Гаврилов, помогавший Котляревскому в занятиях в прошлом году, сам обратился к нему за помощью, то получил грубый отказ. Другой однокашник Котляревского, Ромашев, был с ним в ссоре после случая с Орловым. Не скрывая своей антипатии к Ромашеву, Котляревский открыто молился о том, чтобы тот остался на второй год. Замечался Котляревский и в том, что докладывал начальству о проступках одноклассников. Товарищи достаточно долго терпели подобные выходки: дисциплина в корпусе стояла очень высоко. Они старались не обращать внимания, когда Котляревский толкал их и не извинялся, остались внешне спокойными и тогда, когда он «...стал однажды на середину класса и громко сказал: «Я не нуждаюсь в таких товарищах; у меня здесь нет товарищей; плевать мне на вас всех» (По журналам, 1907: л. 45).

Скрытое недовольство вырвалось наружу, когда кадеты 1-й роты, недовольные новыми правилами увольнения в отпуск, сговорились выразить пассивный протест и не покидать заведение. Котляревский пошел наперекор решению роты и подал воспитателю свой отпускной билет. За это товарищи стали грозить ему бойкотом, а кадет Гусаревич два раза ударил Котляревского по лицу. Начальство попыталось замять конфликт: Гусаревич извинился перед Котляревским, и его не стали наказывать строго. Однако кадетская масса не собиралась прощать Котляревского: шестиклассники толкали его, подставляли ему подножку, подговаривали кадет младших классов дразнить и изводить его, вели разговоры, цель которых заключалась в том, чтобы задеть самолюбие Котляревского, куплеты с его фамилией появились в корпусной «Звериаде». Гонимый кадет – юноша хилый, тщедушный, слабый физически – не мог дать отпор. Положение Котляревского усугублялось тем, что он докладывал обо всем отцу, который стал часто приходить в корпус и предъявлять начальству требование «исключить главарей». Вскоре Котляревский вновь подвергся оскорблению

действием (достаточно символическому, призванному не причинить боль, а унижить): кадет Чеботарев шлепнул его по затылку. Котляревский заявил, что доложит обо всем случившемся начальству.

При опросе большинство кадет отделения, в котором учился Котляревский, обвинило его в совершении нетоварищеских поступков. Преподавательская корпорация, не склонная поддерживать кадетские традиции, держалась противоположного мнения: так, законоучитель корпуса протоиерей Миловидов объявил отказ Котляревского поддержать товарищей, решивших не идти в отпуск, «прямо-таки геройским поступком» (По журналам, 1907: л. 55 об.). В итоге пострадали гонители Котляревского: В. Чеботарев, нанеший ему удар, был после шестидневного ареста временно уволен на попечение родителей (окончательное решение о его переводе или оставлении в корпусе должен был принять Главный начальник военно-учебных заведений), а другие кадеты, замешанные в этой истории, были наказаны снижением балла за поведение и арестом. Сам же Котляревский, несмотря на то, что в ходе расследования были выявлены его эгоизм, двуличие, подлость, наглость – качества, крайне нежелательные для будущего офицера, – был переведен в другое отделение и остался в корпусе.

5. Заключение.

5.1. Активная борьба с негативными кадетскими традициями в Орловском-Бахтина кадетском корпусе существенно изменила социокультурное пространство заведения.

5.2. «Цук», который в начале XX в. имел вид целенаправленного унижения человеческого достоинства, уже в 1902 г. был почти полностью ликвидирован, и вплоть до 1909 г. отношения между старшими и младшими воспитанниками не омрачались какими-либо попытками притеснений. Даже после того, как отдельные элементы «подтяжки» младших старшими вновь стали возвращаться в корпус, «цук» не принял прежних уродливых форм и не получил широкого распространения.

5.3. «Культ мазочки» был ликвидирован в 1902 г., и в дальнейшем притеснения младших и слабейших на сексуальной почве не носили регулярного характер.

5.4. Традиция товарищества лишилась своей антиначальственной направленности и обрела положительный смысл: уже не худшие подчинялись своему влиянию лучших, а, напротив, лучшие стали заботиться об исправлении худших.

5.5. Традиция негативного отношения к руководству заведения и педагогам, хотя и осталась в силе, заметно видоизменилась. В организации «бунтов» и «бенефисов» принимала участие не вся масса кадет, а лишь дурные воспитанники. Благодаря трансформации традиции товарищества о планах заговорщиков почти сразу же узнавало начальство: клеймо предателей уже не ставилось на тех, кто ставил в известность командиров о готовившихся беспорядках. Поэтому массовые беспорядки не приобретали серьезных масштабов и, как правило, ликвидировались на стадии приготовления.

5.6. Лишь такая типично «кавалерийская» традиция, как культ показного молодечества, осталась в силе и продолжала оказывать прежнее негативное влияние на формирование личности будущих офицеров.

Литература

Выписка – Выписка из приказа по Орловскому-Бахтина кадетскому корпусу «О правилах поведения кадетов на улицах г. Орла в связи с уличными беспорядками» от 20 февраля 1915 г. // Государственный архив Орловской области. Ф. 512. Оп. 1. Д. 3.

Гребенкин, 2015 – Гребенкин А.Н. История Орловского Бахтина кадетского корпуса. 1843-1918 гг.: монография. – Орел: Академия ФСО России, 2015. 190 с.

Журналы, 1917 – Журналы педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1917 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2595.

К истории, 2002 – К истории Орловского-Бахтина кадетского корпуса: сборник статей / сост. Н. Петрованова. Орел, 2002. 100 с.

Левитский, 1996 – Левитский О. Орловский-Бахтина кадетский корпус // Московский журнал. 1996. № 9. С. 42-47.

Левитский, 2000 – Левитский О.В. Орловский-Бахтина кадетский корпус // Бомбардир. 2000. № 9. С. 57-62.

По жалобе – По жалобе действительного статского советника Васича на несправедливое отношение начальства Орловского-Бахтина кадетского корпуса к его сыну. 1915 // РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 824. Л. 23.

По журналам, 1902 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1902 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2580.

По журналам, 1907 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1907 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2585. Л. 45.

По журналам, 1912 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1912 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2590.

По журналам, 1913 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1913 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2591.

По журналам, 1915 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1915 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2593.

References

Vypiska – Vypiska iz prikaza po Orlovskomu-Bahtina kadetskomu korpusu «O pravilah povedenija kadetov na ulicah g. Orla v svyazi s ulichnymi besporjadkami» ot 20 fevralja 1915 g. [Extract from the Orlovsky-Bakhtin order to the Cadet Corps "On the Rules of Cadet Behavior in the Streets of the City of Orel in Connection with Street Riots" of February 20, 1915]. Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti. F. 512. Op. 1. D. 3.

Grebenkin, 2015 – Grebenkin A.N. (2015). Istorija Orlovskogo Bahtina kadetskogo korpusa. 1843-1918 gg. [History of Orlovskogo Bakhtin Cadet Corps. 1843-1918]: monografija. Orel: Akademija FSO Rossii, 190 s.

Zhurnaly, 1917 – Zhurnaly pedagogicheskogo komiteta Orlovskogo-Bahtina kadetskogo korpusa za 1917 g [Journals of the Orlovsky-Bakhtin Pedagogical Committee for the Cadet Corps in 1917]. RGVIA. F. 725. Op. 53. D. 2595.

K istorii, 2002 – K istorii Orlovskogo-Bahtina kadetskogo korpusa: sbornik statej [To the history of the Orlovsky-Bakhtin Cadet Corps: a collection of articles]. Sost. N. Petrovanova. Orel, 2002. 100 s.

Levitskij, 1996 – Levitskij O. (1996). Orlovskij-Bahtina kadetskij korpus [Orlovsky-Bakhtin Cadet Corps]. *Moskovskij zhurnal*. № 9. S. 42-47.

Levitskij, 2000 – Levitskij O.V. (2000). Orlovskij-Bahtina kadetskij korpus [Orlovsky-Bakhtin Cadet Corps]. *Bombardir*. № 9– S. 57-62.

По жалобе – По жалобе действительного статского советника Васича на несправедливое отношение начальства Орловского-Бахтина кадетского корпуса к его сыну. 1915 [On the complaint of the actual state councilor Vasich on the unjust attitude of the Orlovsky-Bakhtin administration of the Cadet Corps to his son. 1915]. RGVIA. F. 725. Op. 49. D. 824. L. 23.

По журналам, 1902 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1902 г. [By the journals of the Orlovsky-Bakhtin Pedagogical Committee for the Cadet Corps in 1902]. RGVIA. F. 725. Op. 53. D. 2580.

По журналам, 1907 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1907 г. [By the journals of the Orlovsky-Bakhtin Pedagogical Committee for the Cadet Corps in 1907]. RGVIA. F. 725. Op. 53. D. 2585. L. 45.

По журналам, 1912 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1912 г. [By the journals of the Orlovsky-Bakhtin Pedagogical Committee for the Cadet Corps in 1912]. RGVIA. F. 725. Op. 53. D. 2590.

По журналам, 1913 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1913 г. [By the journals of the Orlovsky-Bakhtin Pedagogical Committee for the Cadet Corps in 1913]. RGVIA. F. 725. Op. 53. D. 2591.

По журналам, 1915 – По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1915 г. [By the journals of the Orlovsky-Bakhtin Pedagogical Committee for the Cadet Corps in 1915]. RGVIA. F. 725. Op. 53. D. 2593.

Негативные традиции воспитанников Орловского-Бахтина кадетского корпуса в начале XX в.

А.Н. Гребенкин ^{а, *}

^а Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции негативных традиций, существовавших в Орловском-Бахтина кадетском корпусе в начале XX в. В основу исследования положены неопубликованные документы – журналы заседаний педагогического комитета заведения. Результаты исследования показали, что правительственная политика, направленная на искоренение дурных нравов кадет, способствовала существенной трансформации социокультурного пространства Орловского-Бахтина кадетского корпуса. Это во многом объяснялось слаженной работой педагогического коллектива, во главе которого стояли В.Л. Лобачевский (с 1902 по 1905 гг.) и Р.К. Лютер (с 1905 по 1917 гг.). Благодаря грамотным мерам воспитательного характера, основанным на указаниях Главного управления военно-учебных заведений, удалось смягчить формы неуставных отношений между воспитанниками, придать позитивную направленность традиции товарищества, почти полностью ликвидировать проявления гомоэротизма. Это оздоровило нравственный климат заведения, способствовало повышению классной дисциплины и успеваемости, содействовало культурному и эстетическому развитию воспитанников. Результаты исследования могут найти применение в ходе организации педагогической деятельности в современных военных образовательных учреждениях различного уровня, а также в учебных заведениях интернатного типа.

Ключевые слова: традиция, социокультурное пространство, «цук», военное образование, Орловский-Бахтина кадетский корпус, великий князь Константин Константинович Романов.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: angrebyonkin@mail.ru (А.Н. Гребенкин)